

Японские исследования. 2020. № 1. С. 69–84.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 69–84.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа»

И.А. Игнатов

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию взаимоотношений Монголии с Японией, одним из её ключевых партнёров в соответствии с действующей в стране внешнеполитической концепцией «третьего соседа», на современном этапе и призвана определить, почему в постбиполярный период именно связи с Японией приобрели столь большое значение для монголов, насколько сотрудничество с Монголией выгодно японской стороне и по каким основным направлениям развиваются отношения двух стран. Кратко охарактеризовав связи Японии и Монголии в советский период, автор анализирует их политическое взаимодействие в двустороннем и многостороннем форматах, особо отмечая посредническую роль Монголии в урегулировании конфликта на Корейском полуострове. Затем была рассмотрена японская безвозмездная помощь Монголии и предоставленные ей льготные кредиты, которые существенно упростили для бывшей социалистической страны преодоление экономического кризиса 1990-х годов и переход к рыночной экономике, а впоследствии внесли весомый вклад в развитие таких стратегически важных для монголов отраслей, как горнодобывающая промышленность, инфраструктурное строительство, энергетика и сфера человеческих ресурсов.

Автор отмечает, что, несмотря на скромный по сравнению с ближайшими соседями Монголии объём двусторонней торговли, Япония нашла свою нишу на монгольском рынке, экспортируя в эту страну технологичную продукцию, а заключённое в 2015 г. двустороннее Соглашение об экономическом партнёрстве и устойчивый интерес японских корпораций к проектам на монгольской земле гарантируют дальнейшее расширение японо-монгольских связей в торговой и инвестиционной сферах. Не остаётся без внимания сотрудничество между Японией и Монголией в области образования и здравоохранения, немалый интерес монголов к японскому языку, культуре и спорту. В заключение автор подчёркивает, что если поначалу центральным элементом двусторонних японо-монгольских связей являлась, по сути, японская гуманитарная помощь переживающей тяжёлый кризис развивающейся стране, то теперь сотрудничество двух стран носит взаимовыгодный характер и развивается по многим направлениям, а его значение для обеих сторон неуклонно возрастает.

Ключевые слова: Япония, Монголия, «третий сосед», отношения Монголии и Японии, межкорейский диалог, финансовая помощь, соглашение, партнёрство.

Автор: Игнатов Иван Андреевич, аспирант МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). E-mail: sienar93@yandex.ru

Japanese-Mongolian relations in the post-bipolar period within the context of Mongolia's "third neighbor" policy

I.A. Ignatov

Abstract. This article studies the relations between Mongolia and Japan, one of its key partners in accordance with the former's "third neighbor" foreign policy concept, in the modern era. The purpose of this research is to determine the following: what are the reasons for the relations with Japan becoming so important for the Mongolians in the post-bipolar period; to what extent the cooperation with Mongolia became beneficial to the Japanese side; what are the main spheres in which the Japanese-Mongolian relations are developing. Having briefly described the ties between Japan and Mongolia during the Soviet period, the author proceeds to analyze their political relations in bilateral and multilateral formats, especially noting the mediating role of Mongolia in resolving the conflict on the Korean Peninsula. The following sphere of examination comprises Japanese gratuitous aid and preferential credits granted to Mongolia, which allowed the former socialist country to overcome the economic crisis of the 1990s and perform the transition to a market economy much easier and afterwards contributed greatly to the development of Mongolia's strategically important industries, such as mining, infrastructure construction, energy, and human resources.

The author notes that, despite the modest volume of bilateral trade compared to Mongolia's closest neighbors, Japan found its niche in the Mongolian market by exporting high-tech products to this country. The bilateral Agreement on Economic Partnership concluded in 2015 and the steady interest of Japanese corporations in implementing projects on the Mongolian soil also guarantee further expansion of Japanese-Mongolian ties in trade and investment. Such issues as the cooperation between Japan and Mongolia in the spheres of education and health care, as well as the considerable interest of the Mongolian people to the Japanese language, culture, and sports, are not left unnoticed. In conclusion, the author emphasizes that, while, at first, the central element of bilateral Japanese-Mongolian relations was, in fact, the Japanese humanitarian assistance to the developing country going through a deep crisis, right now the cooperation between the two countries is mutually beneficial and is developing in multiple directions, with its significance for both sides rapidly increasing.

Keywords: Japan, Mongolia, the "third neighbor", relations between Mongolia and Japan, inter-Korean dialogue, financial assistance, agreement, partnership.

Author: Ignatov Ivan A., PhD student, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: sienar93@yandex.ru

Масштабные реформы, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х годов, привели к активизации аналогичных процессов в ориентированных на Советский Союз социалистических странах, а впоследствии и к распаду всего так называемого «Восточного блока». Вопрос поиска нового места в системе международных отношений, вставший перед всеми бывшими союзниками СССР с началом постбиполярного периода, для Монголии был особенно актуален. В этой стране, где мирный переход к демократии произошёл в 1990 г., вскоре начался тяжелейший экономический кризис, вызванный прекращением масштабной советской экономической помощи при одновременной необходимости дальнейших политических реформ и перехода экономики на рыночные рельсы. Учитывая, что Монголия географически расположена между Россией и Китаем, чьё владычество над Монголией в эпоху империи Цин до сих пор является причиной негативного восприятия Поднебесной

для многих монголов, выработка нового внешнеполитического курса была серьёзным вызовом для монгольской политической элиты. Ответом на него стала концепция «третьего соседа», впоследствии закреплённая в основных внешнеполитических документах страны. Суть её в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с другими развитыми и влиятельными государствами Запада и Востока (это и есть «третий сосед»), извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнёрами и при этом избегая чрезмерной зависимости от какой-либо одной державы либо группы государств.

В данной концепции Японии была отведена важная роль. Страна восходящего солнца обладает мощной экономикой (входя в пятёрку мировых лидеров по размеру ВВП в абсолютном выражении и по ППС), высоким уровнем развития инфраструктуры и технологий. Кроме того, она географически близка к Монголии, а также на протяжении многих лет участвует в программах помощи развивающимся странам. Все эти факторы вкупе с приверженностью Японии принципам демократии и рыночной экономики сделали эту страну идеальным «третьим соседом» в глазах нового монгольского руководства. В свою очередь, японская политическая элита быстро оценила значимость налаживания партнёрства с Монголией. Повышение влияния Японии на эту страну в торгово-экономической и культурной сферах, участие в гуманитарных проектах на монгольской земле, а также содействие утверждению западных ценностей в монгольском обществе сулили не только экономические выгоды, но и рост престижа Японии на международной арене, в том числе в ключевом для неё регионе Восточной Азии. Более того, со временем японцы стали рассматривать укрепление позиций в Монголии как элемент выдвинутой премьер-министром Японии С. Абэ концепции «Индо-Тихоокеанского региона» и, соответственно, как часть стратегии сдерживания Китая.

Двусторонние связи в советский период

Возможности для полноценного развития двусторонних отношений между Монголией и Японией появились после монгольской «мирной революции» 1990 г. и начала процесса демократизации страны. Однако было бы несправедливо утверждать, что до этого какое-либо взаимодействие между Страной восходящего солнца и Страной Вечного синего неба в торгово-экономической сфере полностью отсутствовало. Действительно, после Монгольской народной революции 1921 г., военного конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г., а также Второй мировой войны две страны оказались в разных лагерях в ходе биполярного противостояния холодной войны, и взаимодействие Монголии с государствами, не принадлежавшими к Восточному блоку, было минимальным. Тем не менее определённые экономические связи между Японией и Монголией всё же существовали, и в период с конца 1970-х – начала 1980-х годов можно проследить их медленный, но уверенный рост¹.

Именно в этот период две страны совместно реализовали крупный проект по возведению в Монголии фабрики по производству кашемировых изделий «Гоби», чем фактически было положено начало новой отрасли монгольской лёгкой промышленности. Соответствующее межправительственное соглашение было подписано в 1977 г. Строительные работы начались в 1978 г., а официально фабрика была открыта в сентябре

¹ Дипломатические отношения между Японией и Монголией были установлены 24 февраля 1972 г.

1981 г. При этом японская сторона не только оказала Монголии масштабную финансовую помощь и предоставила новейшее производственное оборудование, но и позаботилась об организации обучения в Японии монгольских инженеров – работников «Гоби». Также в районе фабрики была создана развитая инфраструктура для удобства персонала и членов их семей: среди построенных объектов были спортивный комплекс, больница, центр отдыха Gobi Resort, детский сад и жилые многоквартирные дома на 152 семьи. Фабрика «Гоби» по сей день остаётся одним из крупнейших и наиболее технически оснащённых предприятий Монголии по производству изделий из кашемира и верблюжьей шерсти, а бренд Gobi Cashmere известен по всему миру².

Распад СССР и Демократическая революция в Монголии привели к тому, что монголы лишились основного источника экономической помощи, обеспечивавшего стабильность существовавшей в стране командно-административной системы. В то же время эти события привели к исчезновению известных ограничений для Монголии на всестороннее развитие отношений с другими странами – и Япония была одной из первых стран, воспользовавшихся этим. В августе 1991 г. премьер-министр Японии Т. Кайфу прибыл в Монголию с визитом, став первым главой не принадлежавшего к «советскому лагерю» государства, посетившим эту страну. В ходе его встречи с монгольским руководством стороны достигли соглашения по первому пакету японской финансовой помощи (около 7 млн долл. США), которую предполагалось направить на модернизацию монгольской системы телефонной связи. Это событие стало началом нового этапа в развитии отношений Монголии с Японией и зарубежными странами в целом.

Политические отношения

Изначально для Японии ключевым элементом связей с Монголией было предоставление финансовой помощи этой развивающейся стране, переживавшей тяжёлый экономический кризис ввиду перехода к рыночной модели при одновременном разрыве многолетних связей с Советским Союзом, на который была почти полностью ориентирована монгольская экономика. Политический интерес японцев к Монголии был вторичен и основывался на общем стремлении стран Запада во главе с США развивать отношения с бывшими социалистическими странами, содействовать им в становлении демократической политической системы и рыночной экономической модели, а также укреплять своё влияние на них в политической, экономической, культурной и, при возможности, в военной сфере. На стороне Японии на этом пути были такие преимущества, как географическая и цивилизационная близость к Монголии, равно как и статус развитой азиатской демократии, столь желанный для нового монгольского руководства.

С конца 1990-х – начала 2000-х годов, когда кризисные тенденции в экономике Монголии были преодолены, акценты в японо-монгольских отношениях несколько изменились. Во-первых, при том, что предоставление финансовой помощи Япония не прекратила, японские компании начали получать экономическую выгоду от реализации совместных проектов с монгольскими партнёрами. Во-вторых, пусть союзнические отношения США и Японии по-прежнему составляют для последней основу системы внешнеполитических связей, японское руководство стало реализовывать более

² В 1991 г. «Гоби» первым из монгольских предприятий получило международный сертификат качества.

самостоятельный курс в Восточной Азии, и значимость политического компонента в двусторонних отношениях с Монголией для японской стороны существенно возросла. В Японии были обнародованы новые внешнеполитические концепции: «Дуга свободы и процветания» авторства министра иностранных дел Т. Асо (2006 г.), а позднее – «Индо-Тихоокеанский регион», разрабатывавшаяся при участии премьер-министра Японии С. Абэ (с 2007 г.). В обеих центральное место занимает сотрудничество с государствами Евразийского континента, которые, как и Япония, привержены принципам демократии и рыночной экономики, что при поддержке США позволит сбалансировать растущее влияние авторитарного Китая. Эти идеи вполне согласуются с утвердившейся в монгольской внешней политике концепцией «третьего соседа» и курсом Монголии на укрепление демократического политического режима, верховенства прав человека и рыночной экономической системы. Япония пользуется немалым авторитетом в монгольской политической элите и обществе как азиатская держава, добившаяся выдающихся успехов в экономическом развитии и утверждении западных демократических ценностей при сохранении самобытности и определяющих особенностей своей культуры. Играет свою роль и память о японской помощи в нелёгкий для страны переходный период 1990-х годов.

В Концепции внешней политики Монголии (2011 г.) Япония упомянута в числе высокоразвитых зарубежных стран, не имеющих с Монголией общей границы, развитие сотрудничества с которыми является одним из приоритетных направлений внешней политики. Двустороннее японско-монгольское Соглашение об экономическом партнёрстве (Japan-Mongolia Economic Partnership Agreement, EPA) от 2015 г. до сих пор остаётся единственным для Монголии договором такого рода, заключённым с иностранным государством. В 2017 г. была утверждена двусторонняя Среднесрочная программа стратегического партнёрства, где оговаривались меры по развитию сотрудничества не только на политическом и экономическом направлениях, но и в сферах безопасности и культуры. Действуют обменные программы для представителей власти, предпринимателей и студентов. Помимо этого, в разные годы между Японией и Монголией при участии международных и неправительственных организаций с японским участием (АБР, JAICA, SPF, JETRO и др.) было заключено множество соглашений о выделении целевых кредитов и безвозмездной помощи в самых разных сферах, от инфраструктурного строительства до развития монгольских систем образования и здравоохранения.

С 1991 г. регулярно проходят визиты и встречи представителей властей двух стран на всех уровнях вплоть до высшего. Последним по времени стал визит премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Японию в декабре 2018 г.: тогда глава монгольского правительства провёл встречи с японским премьером С. Абэ, руководством нескольких крупных НПО и японскими бизнесменами; основной темой переговоров стало развитие двусторонних экономических связей. Япония и Монголия взаимодействуют в рамках международных организаций, включая ООН, где монголы поддерживают как японские притязания на место постоянного представителя в Совете Безопасности, так и различные инициативы по укреплению мира и стабильности в Восточной Азии и АТР [Global Investment Center, 2013]. Кроме того, с 2015 г. ежегодно проводятся трёхсторонние встречи делегаций внешнеполитических ведомств Японии, Монголии и США: на этих саммитах предметом обсуждения становится не только экономическое сотрудничество Монголии с двумя крупнейшими из её «третьих соседей», но и вопросы согласования внешнеполитических

действий на направлениях, где интересы сторон совпадают, а также проблемы региональной безопасности и интеграции.

Монголия играет для Японии особую роль как возможная площадка для межкорейского диалога и урегулирования корейской ядерной проблемы. После демократизации Монголия, в отличие от многих других бывших социалистических стран, сохранила хорошие отношения с Северной Кореей. Из Улан-Батора неоднократно звучали заявления о поддержке инициатив Республики Корея по сближению с Севером с целью последующей реинтеграции Корейского полуострова. Монгольское руководство стремится содействовать разрешению конфликта между КНДР и Республикой Корея, в котором видит угрозу для своей безопасности и мира во всём регионе. Есть здесь и элемент экономического интереса: Транскорейская железная дорога могла бы стать элементом кратчайшего пути из Европы в Республику Корея и прекрасным каналом для торговли между Южной Кореей и Монголией, но она неизбежно должна пройти через территорию КНДР. Примирение же двух Корей приведёт к открытию северокорейской границы, что устранил главное препятствие для такого маршрута и предоставит монголам экономические преимущества.

Ещё в 2006 г. монгольский президент Н. Энхбаяр предлагал проводить встречи представителей двух Корей «на нейтральной территории» – в Улан-Баторе, с Монголией в роли посредника. Тогда переговоры не состоялись, но возможность их организации сохраняется. 15–16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне. Хотя переговоры не привели к прорывным результатам, стороны достигли согласия по нескольким вопросам, в частности, по вопросу возвращения на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных, и договорились продолжать диалог.

В 2014 г. новый президент Монголии Ц. Элбэгдорж в рамках продолжения курса на превращение своей страны в посредника в деле межкорейского примирения создал новую переговорную площадку – международную конференцию, известную как «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Все стороны, вовлечённые в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, направляют на данное мероприятие своих представителей, что даёт их представителям возможность проводить в монгольской столице встречи и переговоры в различных форматах; в свою очередь, члены делегаций стран-участниц не раз заявляли о высокой оценке усилий монгольского руководства по сближению их позиций [Campi, 2014].

Безвозмездная помощь и льготные кредиты

Когда в 1991 г. была создана Рабочая группа стран-доноров Монголии, именно Япония стала её лидером. В первые годы существования демократической Монголии, когда осуществлялся переход от плановой к рыночной экономике, значительно осложнённый полным прекращением экономической помощи от северного соседа, Страна восходящего солнца выделяла десятки миллиардов долларов для содействия реформе монгольской пищевой промышленности. Эти средства, предоставлявшиеся в рамках созданной в 1991 г. специальной программы «Безвозмездная помощь непроеKTного назначения», позволили предотвратить голод в Монголии и смягчили последствия вызванного становлением рыночной экономики кризиса. В общей сложности правительство Японии оказывало

монголам продовольственную помощь 16 раз, её общая сумма составила 5 млрд 10 млн иен, или около 60 млн долл. США.

Япония является крупнейшим донором Монголии: предоставляемые японской стороной средства составляют треть от общих объёмов оказанной монголам с 1990 г. помощи. Ежегодно Монголия получает от Японии в среднем 45–50 млн долл. США в виде льготных кредитов, 30–35 млн долл. безвозмездной помощи и более 10 млн долл. на реализацию совместных технологических проектов [Базаров, 2009, с. 157–159]. Последний из указанных видов помощи включает и целевые кредиты. Помимо уже упоминавшейся фабрики «Гоби», на японские деньги, к примеру, была реконструирована крупнейшая в Монголии ТЭЦ-4 в Улан-Баторе и построен металлургический завод в Дархане. Со временем японская помощь сместилась в те сферы, которые эксперты по Монголии считают наиболее перспективными, а именно в горнодобывающую промышленность, энергетическую отрасль и инфраструктурное строительство, а также в сферу развития человеческих ресурсов. Был реализован ряд совместных проектов в сельскохозяйственной сфере.

В июне 2013 г. правительство Монголии и Японский банк международного сотрудничества (JBIC) подписали соглашение об открытии экспортной кредитной линии на сумму 8 млрд иен. Стороны договорились о покупке продукции традиционных японских экспортёров, совместной поддержке монгольских импортёров и финансировании проектов в инфраструктурной, горнодобывающей и обрабатывающей отраслях монгольской экономики. В 2015 г. корпорация «Сумитомо» первой из крупных компаний воспользовалась условиями данного соглашения, инвестировав средства для проекта по поставке горного оборудования марки Komatsu монгольской компании «Хишиг арвин».

Когда в 2017 г. Монголия обратилась к Международному валютному фонду (МВФ) с просьбой предоставить финансовую помощь в рамках Программы расширенного финансирования (Extended Fund Facility, EFF), значительную часть предоставленных средств общей суммой в 434,3 млн долл. США предоставили Япония и Азиатский банк развития (АБР). Причиной обращения монгольского правительства к МВФ стали экономические проблемы, вызванные падением цен на экспортируемые Монголией природные ресурсы и снижением объёма иностранных инвестиций. По данным на конец 2018 г. обе стороны довольны ходом реализации Программы: МВФ и руководство Монголии полагают, что экономический рост, в 2016 г. составлявший 1,2 %, достигнет 7–8 % в 2020 г., когда EFF будет завершена.

Японская сторона уделяет внимание вопросам защиты экологической системы Монголии: так, в марте 2019 г. министерства окружающей среды двух стран договорились о совместном проведении исследования, направленного на поддержание экологического баланса в Монголии. Ранее за счёт льготных кредитов Японии были проведены работы по модернизации систем водоснабжения в Улан-Баторе и центрах нескольких аймаков (Алтай, Мандалгоби), а в монгольской столице также был открыт Центр охраны природы и ресурсов питьевой воды. Следует отметить, что на данном направлении японцы работают совместно с США, а именно – с американской корпорацией «Вызовы тысячелетия», на средства которой вскоре планируется начать строительство очистного сооружения и завода питьевой воды в Улан-Баторе (общий объём американского гранта составит 350 млн долл. США, ещё более 100 млн выделит правительство Монголии).

Транспортная инфраструктура

Принимая во внимание статус Монголии как страны, не имеющей выхода к морю, и её высокую зависимость от доступа к внешним рынкам, слаборазвитая транспортная инфраструктура страны существенно ограничивает возможности её экономического развития. Правительство Монголии рассматривает развитие транспортной отрасли и модернизацию дорожной сети в качестве одного из приоритетов и заинтересовано в японской финансовой и технической помощи на этом направлении. Японская же сторона готова предоставить такую помощь, поскольку облегчение доступа к монгольскому рынку и совершенствование транспортного сообщения с Монголией соответствует её интересам.

Говоря о монголо-японском сотрудничестве в транспортной сфере, следует, прежде всего, сказать о проекте строительства нового международного аэропорта в долине Хушигт – в сомоне Сэргэлэн Центрального аймака, на расстоянии 52 км к юго-западу от Улан-Батора. Япония давно рассматривала подобный вариант как способствующий стабильному экономическому развитию и расширению участия Монголии в процессах региональной интеграции, но только в мае 2013 г. был согласован конкретный план и достигнута договорённость об условиях льготного кредита на 28 807 млн иен, за счёт которого финансируется строительство воздушной гавани. Кредитное соглашение, заключённое между Правительством Монголии и Японским банком международного сотрудничества, предусматривает выплату кредита в течение 40 лет под 0,2 % годовых. Помимо японского правительства, в проекте участвуют корпорации «Мицубиси» и «Чиода» [Varriale, 2012, p. 30].

Первоначально планировалось, что новый аэропорт (рабочее название «Новый международный аэропорт Улан-Батора», впоследствии, вероятно, примет название ныне действующего аэропорта «Чингисхан») будет введён в эксплуатацию в декабре 2016 г., но впоследствии завершение работ несколько раз переносилось. Значительно выросла и стоимость проекта: общая сумма средств, выделенных японской стороной на его реализацию, в итоге превысила 65,6 млрд иен. В ходе визита премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Японию в декабре 2018 г. стороны договорились о новом концессионном соглашении в отношении международного аэропорта Улан-Батора и о принятии первого международного авиарейса в период монгольского национального праздника Надам в июле 2019 г. 5 июля Соглашение о совместном управлении аэропортом было подписано монгольской государственной компанией Khushig Valley Airport Company и японской Airport Management LLC, в тот же день наконец состоялось официальное открытие новой воздушной гавани. В соответствии с достигнутыми договоренностями в течение 15 лет аэропорт будет управляться партнёрами, после чего окончательно перейдет под контроль монгольской стороны (схема invest-operate-transfer³). Полноценное функционирование аэропорта по условиям соглашения начнётся в течение 10 месяцев с момента открытия [Dulguun, 2019, No. 076].

Аэропорт оснащён новейшим оборудованием для обеспечения полётов и двумя взлётно-посадочными полосами длиной более 3,5 км, что позволит принимать даже самые

³ Invest-operate-transfer («инвестирование – управление – передача») – инвестиционная схема, подразумевающая полную или частичную передачу управления построенным объектом инвестору на определённый срок. Применяется в рамках проектов по созданию инфраструктуры и объектов недвижимости.

крупные самолёты. Пассажиропоток нового аэропорта составит 1,1 тыс. пассажиров в час и до 3 млн в год. Помимо взлётно-посадочных полос, идёт строительство более 30 объектов: терминала, центра управления полётами, тепловой электростанции, инженерных линий и др., и это не считая планов строительства поблизости города-спутника монгольской столицы на 100 тыс. жителей. Как неоднократно отмечали представители правительств Монголии и Японии, новый аэропорт, более чем в три раза превосходящий по пропускной способности ныне функционирующий аэропорт «Чингисхан», не только стратегически важен для не имеющей выхода к морю Монголии, но и позволит ей более активно включиться в систему международных экономических отношений.

Монгольская сторона заинтересована и в участии Японии в финансировании и оказании технической помощи при строительстве новых автомобильных и железных дорог, с перспективой увеличения экспорта в Японию ресурсов (в первую очередь угля) через российскую территорию. Совместно с США Япония оказывает значительную помощь Монголии в развитии автодорожной и железнодорожной сети и городского общественного транспорта, а также совершенствовании логистических схем. С 1992 г. по линии АБР монголам была оказана значительная финансовая помощь для этих целей, её общий объём превышает 570 млн долл. США. Формы выделения этих средств – льготные кредиты (более 85 %), гранты и проекты по технической помощи.

Энергетика

Монголо-японское сотрудничество в энергетической сфере – весьма перспективное направление для обеих стран. Все электростанции, действующие в Монголии, были построены в советский период (а именно в 1950-е – 1980-е годы) при поддержке СССР. За исключением крупнейшей ТЭЦ-4, на которой в 2015 г. был введён в эксплуатацию новый, 7-й энергоблок, тепловые электростанции Монголии никогда не модернизировались и не реконструировались, 90 % вырабатываемой ими энергии генерируется за счёт угля. В условиях, когда значительную часть потребляемой электроэнергии Монголия вынуждена импортировать из России ввиду низкого качества и износа существующих мощностей, использование угля на ТЭЦ закономерно наносит ущерб экологии (60 % вырабатываемых в стране парниковых газов), а уровень энергопотребления постоянно растёт, монгольские власти всерьёз задумались о строительстве новых станций и модернизации существующих, а также об использовании альтернативных источников энергии. В свою очередь, Япония располагает развитыми технологиями в энергетической сфере и может оказать Монголии содействие, в том числе по линии НПО и международных организаций.

В декабре 2008 г. корпорация Marubeni получила от монгольского правительства специальное разрешение на проведение в Монголии геологической разведки с целью выявления залежей урана. С учётом планов КНР по строительству новых АЭС и расширению существующих это сулило японской компании неплохие шансы заработать на поставках урана из Монголии как на японские, так и на китайские станции [Базаров, 2009, с. 157–159]. Более того, в перспективе, если бы японской стороне удалось убедить монгольских партнёров и обойти зарубежных конкурентов, возможно было бы и строительство атомной станции в Монголии, что решило бы многие энергетические и экологические проблемы страны и особенно её столицы, Улан-Батора.

Но авария на АЭС «Фукусима-1» весной 2011 г. привела к значительному падению спотовых цен на природный уран и резко усилила позиции противников разработки урана, которых поддерживает значительная часть монгольской общественности. В итоге только заключённые между Marubeni и монгольской Khan Resources Inc. соглашения о разработке урановых месторождений в аймаке Дорнод (Восточный) были заморожены, как и монголо-японское взаимодействие в данной отрасли в целом. Впрочем, со временем стороны вполне могут вновь обратить внимание на это направление сотрудничества, учитывая, что сама Япония с 2015 г. активно возвращает в коммерческую эксплуатацию ранее остановленные ядерные реакторы своих АЭС.

Другой перспективный вид энергетики, при развитии которого Монголии может пригодиться японская технологическая и финансовая помощь – энергетика, основанная на возобновляемых источниках энергии. В марте 2019 г. АБР и фонд Leading Asia's Private Infrastructure Fund (LEAP) подписали с частными компаниями из Японии, Монголии и Таиланда соглашение о выделении кредита на 18,7 млн долл. США для строительства в Монголии солнечной электростанции мощностью 15 МВт (или 22,3 ГВт в год). При этом Япония участвует в финансировании проекта как через АБР, так и через LEAP, который финансируется Японским агентством по международному сотрудничеству (JICA). При строительстве будут применены устойчивые к сильным перепадам температур технологии, что обеспечит бесперебойную работу станции в условиях резко континентального климата Монголии. Электростанция будет поставлять энергию в Центральную энергосистему Монголии, на которую приходится до 80 % энергопотребления страны [Dulguun, 2019, No. 033].

Когда в 2012 г. ЕБРР начал реализацию проекта строительства ветровой электростанции «Салхит» в Монголии, японцы в лице JICA рассматривали возможность принять участие в его финансировании, но в тот раз соответствующее решение не было принято [Varriale, 2012, p. 30]. Несколько лет спустя, в 2016 г., когда монгольская компания Newcom LLC искала партнёров для софинансирования возведения ещё одной ВЭС на монгольской земле, на новый проект в сфере возобновляемой энергии вновь обратили внимание как японские, так и европейские инвесторы. В результате в ноябре 2016 г. Newcom и японская SB Energy, входящая в SoftBank Group, образовали совместное предприятие Clean Energy Asia и при финансовой поддержке всё тех же JICA и ЕБРР начали строительные работы в пустыне Гоби в сомоне Цогт-Цэций (Южногобийский аймак). Новая ветровая электростанция «Цэций» мощностью 50 МВт была сдана в эксплуатацию с опережением графика работ в октябре 2017 г.

Следует отметить, что Clean Energy Asia не собирается останавливаться на достигнутом и уже приобрела права на использование земель в районе Гоби под строительство новых подобных станций. По подсчётам Министерства энергетики Монголии, Страна Вечного синего неба обладает потенциалом генерации энергии на ВЭС более чем в 1100 ГВт, преимущественно за счёт южных и восточных аймаков. SoftBank Group планирует подключить Монголию к своим планам развития энергетики в рамках Азиатской суперсети (The Asia Super Grid, ASG). По подсчётам японских специалистов, вполне реально поставлять энергию с монгольских ВЭС в Японию для Олимпийских игр в Токио – 2020 общим объёмом 2 ГВт по цене ниже 10,5 центов за кВт [The Mongolian Observer, 2017, p. 26–29].

Впрочем, японская сторона в Монголии не оставляет без внимания и традиционные источники энергии. К примеру, 22 февраля 2019 г. в ходе встречи министра энергетики

Монголии Ц. Даваасурэна с председателем Sasakawa Peace Foundation (SPF) Н. Танака по тематике взаимодействия государств Северо-Восточной Азии в энергетическом секторе затрагивался в том числе и вопрос возможного строительства газопровода из России через Монголию в Китай. Япония проявляет интерес к этому проекту, и г-н Танака даже предложил монгольским коллегам рассмотреть идею присоединения Монголии к Форуму стран Северо-Восточной Азии по природному газу и газопроводам (NAGPF) и проведения заседания Форума в Улан-Баторе в 2019 г.

Частные инвестиции и двусторонняя торговля

После 1991 г. японские предприниматели вслед за правительством своей страны одними из первых обратили внимание на возможность инвестирования в монгольскую экономику. В 1990–2005 гг. более 220 компаний из Японии вложили более 100 млн долл. США в различные сектора экономики Монголии. Основная часть японских инвестиций в те годы шла в лёгкую промышленность (48,6 %). Примерно равными были объёмы вложений в культурную и образовательную сферу (12,6 %) и сферу телекоммуникаций (12,7 %). Также японские компании вкладывали средства в развитие добывающей (7,4 %) и пищевой промышленности Монголии, равно как и в транспортную сферу (по 5 %), текстильную промышленность, телекоммуникации и банковский сектор [Базаров, 2009, с. 157–159].

Лидирующие позиции в области инвестирования в Монголию японцы удерживали до начала XXI века, среди же «третьих соседей» Япония до сих пор является одним из крупнейших инвесторов. Общий объём накопленных японских прямых инвестиций в Монголию в период 1990–2018 гг. составляет 23,9 млрд долл. США. Как и в случае с безвозмездной помощью и льготными кредитами, японские инвесторы в Монголии ныне отдают предпочтение горнодобывающей отрасли (из общего объёма японских ПИИ на неё приходится 17,5 млрд долл. США), энергетике и инфраструктуре, хотя сохраняется и интерес к другим направлениям.

Представители монгольского руководства неоднократно заявляли, что среди «третьих соседей» страны именно Япония и Республика Корея являются ключевыми экономическими партнёрами Монголии; впервые такая позиция была озвучена монгольским премьером Н. Энхбаяром во время визита в США в 2001 г. Имеется множество успешных примеров совместных монголо-японских проектов с участием частного капитала. Японская Sawada Holdings владеет большинством акций «Хаан Банка», крупнейшего по размерам активов коммерческого банка Монголии. Жилой квартал «Японский городок» в центре Улан-Батора целиком построен на средства корпорации «Суруга». Совместная монголо-японская компания MobiCom, мажоритарная доля в которой принадлежит KDDI Corporation, была пионером на монгольском рынке сотовой связи и до сих пор удерживает на нём лидирующие позиции. Такие компании и корпорации, как Marubeni, Sojitz и Itochu, являются важными игроками на монгольском ресурсном рынке и проявляют интерес к разработке новых месторождений, особенно к месторождениям Таван-Толгой и Оюу-Толгой. Развивается и монголо-японское сотрудничество в сфере общественного питания. При участии Японской организации по развитию внешней торговли (JETRO) регулярно проводятся заседания Совместного монголо-японского комитета представителей государственного и частного сектора по содействию торговле и инвестициям и по разработке минеральных ресурсов. Цель

этой структуры – развитие государственно-частного партнёрства (ГЧП) в сфере двусторонней торговли и инвестирования, а также при добыче полезных ископаемых.

В феврале 2015 г. после трёх лет переговоров Монголия и Япония подписали Соглашение об экономическом партнёрстве (ЕРА), которое вступило в силу 7 июня 2016 г. Оно было призвано способствовать либерализации двусторонней торговли и всестороннему расширению экономических связей между странами [Masaki, 2015]. Для Монголии подобное соглашение было первым; со временем, вероятно, появятся подобные договорённости с другими странами, но к тому времени японские предприниматели смогут расширить свою нишу на монгольском рынке, где Японию уже рассматривают как ключевого партнёра из числа «третьих соседей». В числе прочего стороны пришли к согласию относительно более активного участия японских компаний в разработке крупнейшего в Монголии и одного из крупнейших в мире каменноугольного месторождения Таван-Толгой (прогнозируемый объём запасов – 6,4 млрд т).

Также Соглашение предусматривает постепенное освобождение от ввозных таможенных пошлин и поэтапное снижение тарифов для примерно 5700 товарных наименований из Монголии и около 9300 из Японии в двусторонней торговле. Уже были освобождены от таможенных тарифов 3429 наименований монгольской продукции и 8000 японской, но результат с точки зрения увеличения объёмов двусторонней торговли пока не столь значим, как ожидалось; об этом говорили японские предприниматели в ходе визита премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Токио в декабре 2018 г.

В 2018 г. доля Японии в монгольском импорте составила 11,9 % (для сравнения, в 2017 г. – 10,7 %, а в 2015 г. – 9 %). При этом налицо значительный дисбаланс в двусторонней торговле: доля Японии в монгольском экспорте намного ниже доли в импорте и составляет менее 1 %, а почти 90 % приходится на КНР. Монголия импортирует из Японии главным образом автомобили (до 60–70 % импорта), а также технику для строительной и горнодобывающей отрасли, а в Японию экспортирует продукцию текстильной промышленности и минеральные ресурсы (в том числе уголь, плавиковый шпат). В 2018 г. товарооборот между странами составил около 490 млн долл. США, что на 55 % выше показателей 2017 г. (примерно 350 млн долл.). Объём монгольского экспорта в Японию составил всего 25 млн долл., но это стало самым высоким показателем за 12 лет.

В ходе переговоров по ЕРА монгольская сторона, помимо прочего, согласилась отменить тарифы на большинство японских автомобилей в течение 10 лет – и это с учётом того факта, что Япония уже доминирует на автомобильном рынке Монголии [Stratfor Analysis, 2012, p. 34]. По состоянию на начало 2019 г., по данным Национального статистического комитета Монголии, собранные в Японии автомобили составляют 62 % от общего числа используемых в стране средств автомобильного транспорта (для ближайшего конкурента Японии – Республики Корея – данный показатель составляет лишь 26 %), и в результате имплементации Соглашения этот показатель может стать ещё выше.

Образование и здравоохранение

После 1990 г. одновременно с увеличением масштабов двустороннего сотрудничества в Монголии наблюдался стремительный рост интереса к японской культуре, языку и образованию, причём как среди горожан, так и у сельских жителей. С годами популярность

японской тематики у монголов лишь возрастала. Ныне в монгольских СМИ регулярно появляются статьи и сюжеты, посвящённые сотрудничеству с Японией в сферах образования и здравоохранения, а также культуре Страны восходящего солнца.

Правительства двух стран реализуют обменные программы для представителей законодательной власти, частных предпринимателей, а также студентов ВУЗов. В настоящее время 60–70 монгольских студентов учатся в Японии только на стипендии японского правительства. Свои программы в сфере образования в Монголии реализуют также АБР, JAICA, SPF, JETRO, Japan Foundation и другие международные и неправительственные организации с японским участием. Всего в Японии проживают более 5500 монгольских граждан, а в Монголии – около 400 японцев. Кроме того, за счёт финансирования со стороны Японии в рамках программы «Корни травы»⁴ был проведён капитальный ремонт и оснащены современным учебным оборудованием 55 общеобразовательных школ в 10 монгольских аймаках.

Среди монголов большой популярностью пользуется традиционная японская борьба *сумо*. Монгольские спортсмены имеют давнюю успешную историю выступлений в этом виде спорта; как правило, борцами сумо в Монголии становятся люди, ранее профессионально занимавшиеся монгольской национальной борьбой либо происходящие из семей с борцовскими традициями, хотя есть и исключения. Из шести иностранцев, когда-либо удостоивавшихся титула «*ёкодзун*» (великий чемпион по борьбе сумо), четверо были монголами, последний из них завоевал это звание в 2014 г. Монгольский борец сумо М. Даваажаргал, выступающий под профессиональным псевдонимом Хакухо (Белый Феникс), является самым успешным из *ёкодзун* XXI века, ему принадлежат многие рекорды, в том числе по количеству выигранных турниров.

Несмотря на различие моделей финансирования здравоохранения в Японии и Монголии, совместные проекты в этой сфере также существуют. По качеству медицинских услуг Япония занимает одно из первых мест в мире, в рейтингах ВОЗ зачастую опережая развитые европейские страны; японская медицина также является общепризнанным мировым лидером в области современных технологий. Монгольские медицинские организации, зная это, стремятся к сотрудничеству с японскими коллегами с целью заручиться их поддержкой в деле повышения качества медицинских услуг в Монголии, совершенствования подготовки специалистов и внедрения инновационных подходов к диагностике и лечению [Bayarsaikhan, 2018, p. 896–897].

Монгольский национальный университет медицинских наук, крупнейший из профильных ВУЗов страны, сотрудничает более чем с 80 медицинскими учебными заведениями и больницами Японии. По его инициативе организуются совместные форумы и тренинги для монгольских врачей в Японии. 1 апреля 2019 г. в Улан-Баторе состоялось открытие Монгольско-Японской учебной больницы, построенной на предоставленный JICA грант почти в 8 млрд иен. Новое медицинское учреждение будет не только предоставлять медицинские услуги, но и предоставит преподавателям и студентам Монгольского национального университета медицинских наук возможность участия в тренингах. Учитывая, что больница оснащена современной японской медицинской техникой, а разработанные для

⁴ Программа Grant Assistance for Grassroots Human Security Projects (GGP), ранее – Small Scale Grant Assistance (SSGA), реализуется правительством Японии в развивающихся странах с 1990 г.

неё тренировочные программы аналогичны действующим в Японии, монгольские медики рассчитывают на то, что она станет существенным подспорьем в деле совершенствования монгольской системы здравоохранения и дальнейшего развития монголо-японских связей в данной сфере [The UB Post, 2019, p. 4].

Заключение

По результатам изучения японо-монгольских отношений на современном этапе можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в начальный период активного развития двусторонних связей японская сторона стремилась сгладить последствия перехода к рыночной экономике для монголов и оказать им содействие в создании предприятий и объектов инфраструктуры, способных стать основой стабильного экономического роста в новых условиях. Со временем, когда наиболее тяжёлые годы для Монголии остались позади, японские инвестиции переориентировались на такие обладающие значительным потенциалом отрасли, как горнодобывающая промышленность, энергетика, инфраструктурное строительство и человеческие ресурсы; при этом сохранены были и достигнутые позиции в лёгкой промышленности, сфере связи, банковской сфере и сельском хозяйстве. Ныне Япония является одним из ключевых партнёров Монголии в торгово-экономической и гуманитарной сферах.

Во-вторых, у каждой из стран имеется своя мотивация для развития двусторонних связей, в том числе политических. Для Монголии Япония – ключевой партнёр не только в регионе, но и среди всех государств «третьего соседа», важнейший источник финансовой помощи и инвестиций, а также цивилизационно близкая страна, служащая для представителей монгольской элиты примером азиатского государства, добившегося выдающихся успехов на пути развития рыночной экономики и демократии. Япония же видит в Монголии потенциальный источник энергетических и других природных ресурсов, небольшой, но важный рынок сбыта своих товаров в условиях усиления конкуренции, форпост своего экономического и культурного влияния (напрямую и через международные организации) и страну, которая в силу своей нейтральной позиции на международной арене и хороших отношений с государствами региона и Западом может оказать содействие в урегулировании волнующих Японию международных проблем, таких как северокорейский вопрос.

В-третьих, следует признать, что для Монголии развитие торгово-экономических и гуманитарных связей с Японией привело к исключительно позитивным результатам, поскольку позволило добиться ощутимого прогресса в деле модернизации экономики, совершенствования инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, при этом балансируя влияние других государств, также стремящихся усилить свои позиции в этой развивающейся стране. Для Японии выгода от этого партнёрства менее очевидна, поскольку доступ к богатейшим природным ресурсам Монголии для неё пока ограничен (практически все они экспортируются в КНР), а ряд крупных совместных проектов ещё находится в стадии реализации. Тем не менее уже сейчас японцы могут записать себе в актив реальные дружественные отношения с Монголией, солидное экономическое присутствие и впечатляющее культурное влияние на это расположенное в ключевом для них регионе государство. В условиях нарастающей нестабильности и неопределённости в международных отношениях, обостряющейся конкуренции между развитыми странами за рынки сбыта

и источники природных ресурсов, сохраняющейся потребности Монголии в притоке средств из-за рубежа и, наконец, значительно обострившихся в последние годы противоречий между двумя непосредственными соседями Монголии – Россией и Китаем, с одной стороны, и частью западных стран, в особенности США и Японией, с другой, можно с уверенностью сказать, что значение двустороннего сотрудничества как для Страны восходящего солнца, так и для Страны Вечного синего неба будет лишь возрастать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базаров В.Б. Монголо-японские дипломатические отношения // *Власть*. 2009. № 9. С. 157–159.

Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал : [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (дата обращения: 15.08.2019).

Bayarsaikhan Dorjsuren. Financing health promotion in Japan and Mongolia // *Bulletin of the World Health Organization*. November 2008. Vol. 86. Issue 11, p. 896–897.

Campi Alicia. Mongolia–South Korean Relations // *The Eurasian Monitor*. March 31, 2014. Vol. 11. Issue 60.

Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens // *The UB Post*. July 2019, No. 076 (2044), p. 3.

Dulguun B. New Solar Power Project Sets Example to Draw Investors' Attention // *The UB Post*. March 2019, No. 033 (2001), p. 1, 5.

Harnessing the Inexhaustible Resources of Wind Energy // *The Mongolian Observer*. 31 October 2017. No. 10, Vol. 064, p. 26–29.

Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement // *Stratfor Analysis*. March 2012. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement> (дата обращения: 15.08.2019).

Masaki Hisane. Japan and Mongolia sign free trade agreement // *International Trade News – JOC*. February 10, 2015. URL: https://www.joc.com/international-trade-news/japan-and-mongolia-sign-free-trade-agreement_20150210.html (дата обращения: 15.08.2019).

Mongolia: Mineral, Mining Sector Investment and Business Guide. Volume 1: Strategic Information and Regulations (updated) // *International Business publications*. Global Investment Center, Washington D.C., USA. 2013.

Mongolia-Japan Teaching Hospital Opens // *The UB Post*. April 2019, No. 037 (2005), p. 4.

Varriale Gemma. Mongolia Salkhit financing sets foreign security precedent // *International Financial Law Review*. September 2012. Vol. 31. Issue 8, p. 30.

REFERENCES

Bayarsaikhan, D. (2008). Financing health promotion in Japan and Mongolia, *Bulletin of the World Health Organization*, 86(11): 896–897.

Bazarov, V.B. (2009). Mongolo-yaponskiye diplomaticheskiye otnosheniya [Mongolian-Japanese diplomatic relations], *Vlast*, 9: 157–159. (In Russian).

Campi, A. (2014). Mongolia–South Korean Relations, *The Eurasian Monitor*, 11(60).

Dulguun, B. (2019). Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens, *The UB Post*, No. 076 (2044): 3.

Dulguun, B. (2019). New Solar Power Project Sets Example to Draw Investors' Attention, *The UB Post*, No. 033 (2001): 1, 5.

Editorial (2012). Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement, *Stratfor Worldview*, 15 March. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement> (accessed: 15 August 2019).

Editorial (2017). Harnessing the Inexhaustible Resources of Wind Energy, *The Mongolian Observer*, No. 10, Vol. 064: 26–29.

Editorial (2019). Mongolia-Japan Teaching Hospital Opens, *The UB Post*, No. 037 (2005): 4.

International Business publications (2013). *Mongolia: Mineral, Mining Sector Investment and Business Guide. Volume 1: Strategic Information and Regulations (updated)*, Washington D.C.: Global Investment Center.

Masaki, H. for JOC (2015). Japan and Mongolia sign free trade agreement, *International Trade News*, 10 February. URL: https://www.joc.com/international-trade-news/japan-and-mongolia-sign-free-trade-agreement_20150210.html (accessed: 15 August 2019).

Mongol Ulsyn Gadaad bodlogyn uzel barimtlal [Mongolia's Foreign Policy Concept] (2011). URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (accessed: 15 August 2019). (In Mongolian).

Varriale, G. (2012). Mongolia Salkhit financing sets foreign security precedent, *International Financial Law Review*, 31(8): 30.

Поступила в редакцию 01.10.2019

Received 1 October 2019

Для цитирования: Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 69–84. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

For citation: Ignatov I.A. (2020). Yaponno-mongol'skiye svyazi v postbipolyarnyy period v kontekste mongol'skoy politiki "tret'yego sosedya" [Japanese-Mongolian relations in the post-bipolar period within the context of Mongolia's "third neighbor" policy], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 1: 69–84. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004